

ВОЕННЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

ЭДУАРДА ХРУЦКОГО

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х95

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Иллюстрация на обложке *П. Магась*

Хруцкий, Эдуард Анатольевич.
Х95 Комендантский час / Эдуард Хруцкий. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Военные детективы Эдуарда Хруцкого).

ISBN 978-5-04-206174-5

Июль 1941 года. В своей квартире обнаружен застреленным художник-ретушер Зиновий Грасс. Начальник отдела по борьбе с бандитизмом майор Иван Данилов подозревает, что это не самоубийство, а грубая инсценировка. Сыщики начинают расследование, и вскоре выясняется, что смерть Грасса – дело рук бандита Широкова, участника опасной банды, которой руководит фашистский абвер. А это значит, что схватка с врагом предстоит серьезная...

В сборник также вошла повесть «Тревожный август».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206174-5

© Хруцкий Э.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

1941

Глава 1

Минск. 6 июля, утро

«Солдаты! Перед вами Москва. За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошли по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войне. Москва — это отдых. Вперед!»

*Приказ Гитлера
от 6 июля 1941 года*

Совещание окончилось. Генералы, штабные и командиры частей группы армий «Центр», выйдя из зала, торопливо начали доставать сигареты. Они были похожи на кадетов, дорвавшихся до долгожданной курилки. Конечно, командующий генерал-фельдмаршал фон Бок официально не запрещал курить, но все знали, что он не переносит табачного дыма.

Только один человек мог позволить себе не считаться с привычками фельдмаршала — группенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Залевски — личный представитель рейхсфюрера СС при штабе группы армий «Центр».

Никто из штабных, даже приближенных к фельдмаршалу, не знал, чем занимается этот страшновато-вежливый эсэсовский генерал. Знали только, что у него свой штаб и двухметроворостые мордатые телохранители.

Из зала совещания группенфюрер вышел последним.

«Как они мне все надоели! — подумал он, глядя на суетившихся в вестибюле генералов. — Какая ограниченность, полное непонимание ситуации! Сейчас они делят победы. Хотят урвать кусок послаще. Неужели они не могут понять, что их «победы» были предрешены задолго до того, как они перешли границу? Они не любят меня так же, как и всю службу безопасности. Службу Гимmlера они боятся, а меня считают просто выскочкой. Что делать — каждому свое. Все-таки я сделал правильно, что ушел из армии в охранные отряды. Иначе дослужился бы сейчас в лучшем случае до заместителя командира полка».

— Курт, — повернулся группенфюрер к адъютанту.

— Слушаю, экселенц.

— Что было в этом доме раньше?

— Совет народных комиссаров Белоруссии, экселенц.

— Занятно строят эти русские, какая-то смесь казармы и замка. Кстати, Курт, узнайте фамилии и звания летчиков, первыми идущих на Москву.

— Слушаюсь! — Штурмфюрер стремительно повернулся.

— Да по стойте вы! Командира эскадрильи и командиров экипажей сегодня же ко мне.

— Слушаюсь, экселенц!

Группенфюрер не выспался. Вчера ночью к нему прибыл особоуполномоченный рейхсфюрера штандартенфюрер Гунд, он привез важные инструкции, в которых оговаривались обязанности полевого реферата СД, который возглавлял Бах-Залевски.

Задание было трудным, группенфюрер гордился, что именно ему поручено дело, которое, безусловно, войдет в историю войны.

У входа его ждала машина. Приземистый бронированный «майбах». Вокруг стояла охрана.

Рядом с тяжелым «майбахом» приткнулся элегантный серебристый «хорьх». От машины навстречу группенфюреру, улыбаясь, шел офицер с нашивками штурмбаннфюрера. Черный мундир сидел на нем словно фрак на дирижере. Он был чрезвычайно элегантен.

— Франц, — группенфюрер улыбнулся, — дорогой Франц, как вы мне нужны!

— Я это почувствовал, шеф. Вернувшись, узнал, что вы на совещании, и приехал сразу сюда.

— Чертовски приятно иметь такого заместителя.

Группенфюрер говорил вполне искренне. Действительно, приятно иметь заместителем доктора права, профессора искусствоведения. Но, кроме этого, штурмбаннфюрер Франц Альфред Зикс был неоценимым знатоком агентурной работы. Феноменальная память позволяла ему держать в голове сотни кличек, псевдонимов, явок.

«Мне не нужна картотека, — часто шутил группенфюрер, — пока вы со мной. Вас, Франц, нужно беречь, как самый дорогой секретный сейф».

Бронированный «майбах» лавировал между разбитыми зданиями. Кое-где по самой земле стлался едкий, зловонный дым. Город еще горел.

Группенфюрер, презрительно прищурился, смотрел в окно. Улицы были пустынные, завалены обломками кирпича.

Самые неожиданные вещи валялись на мостовой: перевернутые ручные тележки, разбитые чемоданы, детская кукла, сплюснутый трехколесный велосипед.

Бах-Залевски достал сигарету, адъютант услужливо щелкнул зажигалкой.

— Унылый город, Франц. Унылый. Разве его можно сравнить с Парижем? Помните Монмартр, прекрасные кафе? А женщины! И небо над городом, лиловое небо над черными, словно грифельными, крышами.

— Париж? Но я был в Минске в 1939 году. Конечно, он не похож на Париж, но... Что касается женщин...

— Нет, вы меня не убедите, Франц. Кстати, кажется, тогда же вы были в Москве?

— У вас прекрасная память. Был. Как говорят русские, «стоял постоем» в гостинице «Националь».

— Что ж, вам повезло. Скоро вы будете рассказывать знакомым о том, что когда-то был такой город.

— Я не понимаю вас.

— Приедем — поймете.

На самой окраине города, у здания, построенного в стиле охотничьего домика, машина остановилась.

Группенфюрер и Зикс вошли в дом. В кабинете Бах-Залевски расстегнул китель, подошел к сейфу, набрал цифровой код.

— Вчера мне привезли из Берлина план операции «Тайфун». Провести ее поручено вам. Идите сюда, Франц.

Они удобно расположились в креслах у стола. Группенфюрер закурил.

— Вы удивились, Франц, когда я сказал о столице большевиков. С сегодняшнего дня группа армий «Центр» начинает наступление на Москву. Москва — конец войны. Как только столица большевиков падет, их многонациональное государство рассыплется как карточный домик. На Москву наступает семьдесят пять дивизий, из них четырнадцать танковых и восемь моторизованных. С воздуха их будут прикрывать легионы «Кондор», «Вевер», 28-я и 55-я эскадрильи. Тысяча самолетов. Тысяча, Франц! Такого ударного кулака не знала ни одна война. Дни большевиков сочтены. Но это дело армии. Кстати, знайте, что ни один солдат вермахта в Москву не войдет.

— То есть, — Зикс снял очки, — как так?

— Туда войдут части СС. В течение недели мы должны будем вывезти из Москвы все архивы и ценности,

к чертовой матери выгнать население, арестовать и расстрелять энкавэdistов, партийных функционеров, интеллигентов. А потом взорвать шлюзы и затопить Москву. Такого города больше не будет. Будет озеро, где мы будем кататься на яхте. Но для этого нужно провести колоссальную работу. Читайте документы.

Через два часа штурмбаннфюрер фон Зикс вызвал к себе подполковника фон Мантейфеля. Подполковник был уже стар, когда-то, еще при кайзере, он руководил немецкой разведкой в России. Потом о нем вспомнило ведомство Гимmlера. Фон Мантейфель спас от превратностей немецкой революции архивы своего отдела. Конечно, многих разыскать не удалось, но и среди этого старья нашлись стоящие люди. Как только началась война, Мантейфелю присвоили звание подполковника, и теперь он работал в группе Зикса.

— Пора активизировать ваших людей, господин фон Мантейфель.

Зикс встал, прошелся по кабинету.

— Пора! Наша задача — внести дезорганизацию в тыловую Москву. Паника, грабежи, слухи, сплетни, анекдоты, срыв эвакуации заводов, хищения ценностей культуры. Это не столько военный, сколько психологический эффект.

— Я понял вас. У меня есть подходящий человек. Он надежно законспирирован, имеет обширные связи среди уголовников.

— Ну что ж, пожалуй, подойдет. Тем более что уголовниками занимается милиция. А милиция, полиция — все одно и то же.

— Если считать этот разговор приказом, то я немедленно посылаю к нему связного.

— Кого?

— Унтерштурмфюрера Алекса Прилуцкого.

— Пригласите его ко мне.

Утром на стол группенфюрера лег рапорт:

*«ГРУППЕНФЮРЕРУ СС
И ГЕНЕРАЛУ ПОЛИЦИИ
ЭРИХУ ФОН ДЕМ БАХ-ЗАЛЕВСКИ*

*Штурмбаннфюрер Зикс почтительно докладывает.
Вчера в 23.00, во исполнение операции «Тайфун»,
в Москву на связь с агентом Отцом отбыл унтер-
штурмфюрер Алекс Прилуцкий. Прилуцкий снабжен
деньгами и получил необходимые инструкции.*

*Штурмбаннфюрер СС
и доктор фон Зикс».*

Глава 2

Москва. Июль

Начальник МУРа смотрел в окно. На противоположной стороне улицы у киоска с газированной водой стояла очередь. Начальник на секунду представил, как пенная струя бьет в стакан, как пузырится в нем жгучая от газа вода. Голова продолжала болеть. Повышенное давление напоминало о себе болью в затылке.

Два месяца назад он бросил курить. Как только появились первые боли, вынул из ящика стола коробку «Казбека», хотел бросить в урну, но передумал. Вызвал к себе молодого сотрудника Игоря Муравьева и отдал папиросы ему.

— Так как же быть с Костровым? — спросил начальник отделения Данилов.

— Погоди, Иван Александрович. У тебя есть что курить?

— «Казбек».

— Давай его сюда.

— Но вы же...

— Мало ли что, время видишь какое.

Начальник жадно затянулся. И сразу стало легче, даже показалось, что боль утихла.

— Вот так. — Он тяжело опустил в кресло. — Не

верь врачам, Иван Александрович. Курнул — и легче стало. Ты мне оставь пяток.

— Да вы все возьмите. У меня в кабинете есть еще.

— Соблазн велик, возьму. Так ты спрашиваешь, как быть с Костровым?

— Случай уж больно необычный.

— Нет, Данилов, в этом нет ничего необычного. Он сам-то где?

— У дежурного сидит.

— Проверить его показания надо. А вдруг врет?

— Да я его знаю, Мишка врать не станет.

— А ты все ж проверь. Сколько у тебя в группе народу осталось?

— Трое.

— Значит, Полесов, Шарапов и Муравьев.

— Точно.

— Считай, что остался ты один.

— То есть как? — Данилов встал, шагнул к столу. — Как — один, товарищ начальник? Моя группа больше всех потеряла людей. Восемь человек на фронт забрали. Я сам...

— Ты погоди, Иван Александрович. На! — Начальник протянул три одинаковых листа бумаги.

Данилов достал из кармана очки.

*«НАЧАЛЬНИКУ МОСКОВСКОГО
УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА
ОТ ПОМОЩНИКА
ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННОГО
МУРАВЬЕВА ИГОРЯ СЕРГЕЕВИЧА
РАПОРТ*

Прошу вас разрешить мне пойти в ряды действующей армии. Я комсомолец, и место мое на фронте. Хочу беспощадно громить фашистскую нечисть, мстить за нашу поруганную землю.

И. Муравьев».

— Понял, Данилов, в чем дело? Ты два других можешь и не читать. Шарапов и Полесов тоже просят. Ты им скажи, Данилов, я сам на фронт хочу, и ты тоже хочешь. Все хотят. Вон мне Дерковский какой концерт устроил — в батальон московской милиции его отпусти. А я с кем здесь останусь?

— Товарищ начальник...

— Ты, Данилов, молчи. Помню, как ты еще на финскую просился. Молчи уж. — Начальник взял папиросу. — Молчи, Данилов, а со своими ребятами поговори... Иди, Иван Александрович, иди... Чувствую я, что к вечеру много работы будет. — Начальник опять отвернулся к окну.

Почему-то ему казалось, что так легче думается. Калейдоскоп улицы успокаивал.

Петровка была почти такой же, как месяц назад. Торопились куда-то по-летнему нарядные люди, бойко торговал мороженщик, стояла очередь за газировкой. Но война уже чувствовалась. Военных побольше на улицах стало. На углу вместо привычного усатого постового стоит с винтовкой СВТ молоденькая девушка.

Вот она взмахнула полосатым жезлом, останавливая движение. Со стороны Пушкинской по трамвайным путям несли похожий на колбасу огромный зеленый баллон с газом для заправки аэростата. Девушки из батальона МПВО крепко держали за стропы упругое подпрыгивающее тело. А месяц назад он, начальник МУРа, видел аэростаты только на картинках в кабинете Осоавиахима.

Война для него началась так же неожиданно, как и для всего по-летнему беспечного города. Накануне днем поступили данные, что в бараке на Дангауэровке отсиживается Колька Цыган. Два месяца до этого дня МУР лихорадило. Бежавший из лагеря Николай Савельев по кличке Цыган совершил на окраине столицы восемь вооружен-

ных налетов. Звонили из прокуратуры Союза, звонили из наркомата, звонили из таких мест, что и вспоминать не хочется. И был еще телефонный разговор с помощником одного из руководителей. И все потому, что Цыган, кроме всего прочего, ограбил одну из дач, которую в разговорах называют с приставкой «спец». Брать Кольку поехали ночью, ближе к утру. Операцию возглавил он сам, никому не доверил. В конце шоссе Энтузиастов, у Баулинских прудов, приткнулся дощатый барак. Здесь и было Колькино убежище. Оперативники быстро окружили барак. Оружие держали наготове, знали, что Цыган вооружен и так просто в руки не дастся. Начальник уже сталкивался с этим человеком. Он пошел первым. По неписаным законам, оставшимся еще с первых лет революции, в самой опасной операции первым идет старший.

Он шел, не глуша шагов, по-хозяйски, как дома. Ему противно было думать, что он, краснознаменец еще с Гражданской, должен подкрадываться, чтобы взять эту сволочь.

У дверей с цифрой «пять» было подозрительно тихо.

— Ломайте, — приказал он.

Два оперативника плечами высадили фанерную дверь. Подняв пистолет, начальник шагнул в комнату. Свет карманного фонарика вырвал из темноты фигуру, лежащую на кровати. Кто-то пошарил руками на стене, щелкнул выключателем. На железной койке, разметав во сне руки и широко открыв губастый рот, храпел Колька. В комнате отвратительно пахло перегаром, прокисшими консервами, потом.

— Берите его. — Начальник сунул пистолет в кобуру и вышел на воздух.

А Цыган так и не проснулся — ни пока тащили его в машину, ни в самой машине, — до такой степени напился. Только следующей ночью он очнулся в камере и завыл от страха и ненависти.

Приехав на Петровку, начальник поднялся к себе в кабинет. Тотчас зазвонил телефон.

— Не спишь? — услышал он голос начальника московской милиции.

— Цыгана только что...

— Да какой тут Цыган! Война! Сегодня немцы бомбили Минск, Брест, Киев, перешли границу. Собирай своих по тревоге!

Новость была настолько ошеломляющая, что он сразу и не понял, о чем говорит его собеседник.

— Ты что, оглох? — пророкотала трубка. — Собирай своих сыщиков. А за Цыгана спасибо.

— Есть. — Он положил трубку и посмотрел в окно, потом на часы. Пять... Почти незаметный свет фонарей, кое-где желтые окна, переключка редких автомобильных гудков, и вдруг — война... Нелепо и страшно.

Начальник сам пошел к дежурному. И пока он шел по коридору, почему-то в голову лезли совсем посторонние мысли — о том, что теперь уж в отпуск он не пойдет и долго, наверное, не увидит реку Ужу. И зря он отправил туда удочки.

Комната дежурного тряслась от хохота.

— Вы это чего? — спросил начальник.

— Да вот, комика привели! — Вскочивший дежурный пытался согнать с лица веселость и придать ему подобающее моменту выражение.

Начальник оглянулся. Со скамейки для задержанных поднялся человек.

— Ага, значит, ты здесь самый главный? — Язык у задержанного заплетался, казалось, что тот говорит с полным ртом.

— Возможно.

— А ты неприятности любишь?

— Нет, — думая о своем, ответил начальник.

— Тогда отпусти меня.

— Это ж почему? — удивился он, словно только что увидел задержанного.

— Работа у меня такая. Не отпустишь — не миновать тебе беды.

За спиной начальника сдавленно прыснул дежурный. Милиционеры у входа беззвучно хохотали, прикрыв рты ладонями.

— Ты кто ж такой: полярник, летчик-герой?..

— Почисти их буду... — Человек, покачнувшись, схватился за угол скамейки. — Не выпустишь, утром люди дознаются, придут сюда, большую неприятность сделают.

— Какие люди? Что ты болтаешь? — раздраженно бросил начальник.

— Я пивной палаткой заведу на прудах. В шесть утра открываю. Ко мне люди со всего города приезжают. Приедут сейчас, а меня нет. Где, спросят, Иван Карпыч? В милиции. Вот тогда они прямо к тебе.

— Никто к тебе нынче, Иван Карпыч, не придет.

— А я и по выходным торгую!

— Никто не придет к тебе. Потому что война началась...

Начальник увидел вмиг протрезвевшее лицо задержанного, встревоженные глаза милиционеров.

— Новиков, этого пивного негодяя оштрафуй и выпусти, и срочно весь личный состав — по тревоге в управление.

Он вышел во двор. Над Москвой начался первый военный рассвет.

На всю жизнь, наверное, запомнится это утро. Пьяненький Иван Карпыч, дождевые тучки, собирающиеся в предрассветном небе, и Москва... теплая ото сна и такая беззащитная на первый взгляд.

Данилов

Данилов вышел из кабинета и в приемной еще раз перечитал рапорты.

«Ишь ты, — он покрутил головой, — ишь ты, на фронт! Ну ладно, Муравьеву простительно: совсем еще мальчишка. А Шаратов? Взрослый человек, а туда же». Он вышел в коридор, под ногой запела половица. «Хорошая примета. Иногда идешь, нарочно ее ищешь, а тут — на тебе, сама».

Пол в коридоре угрозыска был наполовину паркетный, наполовину из крашенных половиц. Одна из них скрипела, как только на нее ступишь ногой. Прозвали ее «певуном». Считалось, что если тебя вызвали «на ковер», то именно эта половица «приносит счастье». Но даже «певун» не радовал сегодня Данилова. Хотя, впрочем, день начался не так уж неудачно.

Рано утром к дежурному по МУРу явился бывший домушник Мишка Костров. Явился сам, сам, ожидая Данилова, написал о всех последних «делах» и в конце просил отправить его на фронт. Данилов знал Мишку не первый день и чувствовал: Костров что-то скрывает.

У дверей своего кабинета Данилов немного постоял, словно решая, зайти или нет. В комнате пахло застоялым табачным дымом. Даже открытое окно не помогало. Казалось, что стены и потолок навечно впитали в себя этот прочный и горький табачный дух.

Зазвонил телефон.

— Данилов, — зарокотал в трубке голос заместителя начальника МУРа, — Данилов, ты знаешь, что составляют списки семей для эвакуации? Как у тебя?

— Что у меня?

— С семьей как?

— Без изменений.

— Я не об этом, ты жену думаешь эвакуировать?

— Нет.

— Ну смотри...

Иван Александрович положил трубку. Эвакуировать Наташу. Конечно, хорошо бы. Да только она об этом и слышать не хочет. На второй день войны пошла учиться на курсы медсестер РОКК. Он пытался было начать этот разговор. Да куда там!

Война. А дела у них, у сыщиков, пока мирные. Старые дела. 24-го собирали их на совещание, говорили о возможной активизации преступных элементов. Но пока все тихо. И наоборот даже — преступлений меньше стало.

Данилов это объяснил просто. Огромное горе, постигшее страну, заставило вспомнить о своем гражданском долге даже тех, которые в мирное время доставляли немало хлопот. Дней пять назад он стоял у аптеки, что на углу улицы Горького, рядом с Белорусским вокзалом. Движение было остановлено: на погрузку шли войска. Внезапно кто-то осторожно тронул его за локоть. Данилов обернулся. Перед ним стоял боец в новом обмундировании.

— Не признаете?

Данилов взгляделся.

— Самсонов я, неужели не помните?

— Помню, Борис, как же, помню.

— Я так и думал. Память у вас хорошая.

— На фронт?

— На фронт, Иван Александрович. Вы только не подумайте, я сам в первый день в военкомат пришел, да многие наши тоже пошли. Вы только не подумайте...

— А я и не думаю, Боря. Родина тебе поверила, а прощение сам заслужишь. Ты ведь перед ней в большом долгу.

— Я знаю, — голос Самсонова сорвался, — знаю. Вы только не подумайте...

— А кто из ваших пошел?

— Баранов, Алешка Бердадым, Сенечка, Колян, Битый...

— Ну что ж, Боря. Желая встретиться после победы. Хочу в гости к тебе зайти, поговорить.

— Обязательно! — Самсонов крепко пожал протянутую руку. — Обязательно!

Данилов смотрел ему вслед до тех пор, пока Борис не смешался с толпой. Но Данилов слишком хорошо знал своих «клиентов», чтобы тешить себя иллюзиями. Кто и ушел на фронт, а кто и остался. А если остался, значит, ждет удобного случая.

Иван Александрович еще раз перечитал рапорты, усмехнулся и спрятал их в ящик письменного стола. На фронт захотели. Еще неизвестно, где им труднее будет: на фронте или здесь. Вчера в метро на площади Маяковского Данилов на противоположном эскалаторе увидел военного. Седоватый подполковник с зелеными петлицами пограничника глянул в его сторону и сразу как-то уж слишком быстро отвернулся. Но тренированная память моментально зафиксировала брезгливо опущенные складки губ, кривоватый, словно у боксера, нос, а главное, глаза, большие синие холодные глаза! Широков? Нет, этого не может быть. Ведь Широков убит. Совершенно точно. Он даже вспомнил сводку-ориентировку Иркутского угрозыска, где ясно говорилось о том, что Широков, кличка Резаный, он же Колодный, он же Скопин, он же Веселаго, был убит работниками розыска на лесной бирже в леспромхозе «Красный Восток» в тот момент, когда пытался на плоту уйти вниз по реке. Но почему же так быстро отвернулся тот подполковник? Даже слишком быстро... Данилов поднял телефонную трубку:

— Архив?.. Пришлите ко мне дело Широкова.

И пока сотрудники архива искали нужную папку, пока несли ее, Иван Александрович раздумывал о случайной